

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИВНОГО КОДИРОВАНИЯ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. Бонч-Осмоловская

Московский государственный университет
abonch@zhurnal.ru

Так называемые *dative-experiencer subject constructions* - конструкции, в которых экспериенцер выражен дательным падежом и обнаруживает свойства подлежащего, - стали предметом достаточно длительной и оживленной лингвистической дискуссии. Как правило, вопрос о дативных подлежащих обсуждался в рамках одного или нескольких родственных языков - (языки Юго-восточной Азии, см., например, сборники [Verma 1976] [Verma, Mohanan 1990], русский язык - см. работы [Белошапкова 1977], [Золотова 1973], [Guiraud-Weber 1984], исландский язык в работах [Thrainsson] [Maling 1980] [Andrews 1985] и многие др.). Собственно предметом дискуссии стал вопрос о том, можно ли, пренебрегая морфологическими свойствами подлежащего (согласование глагола, именительный падеж) и основываясь на его синтаксических характеристиках, считать, что экспериенциальный аргумент в дативе является подлежащим, или же морфологический критерий следует признать основным, и тогда дативный экспериенцер является особым типом объектного кодирования. Сторонники "субъектного" решения приводили следующие аргументы:

- дативная ИГ может контролировать рефлексивизацию.

Маратхи (пример из [Palmer 1994:43])

1) Ravi-laa swataači pistaka aavd-t-aat.
Рави-Dat свои книги любить-Pres-Plur
Рави нравятся его книги.

В (1) по отношению к стоящему в дативе слову *Ravi* употребляется возвратное местоимение *swataači* - 'свой'.

- дативная ИГ может контролировать кореферентное сокращение.

2) Мне нравится Ø бегать по утрам.

В (2) поверхностно представлен только дативный аргумент *хотеть*, а кореферентный ему номинативный аргумент глагола *бегать* подвергнут кореферентному сокращению.

- дативная ИГ может контролировать сочинительное сокращение, а также становится мишенью сочинительного сокращения.

Исландский (Пример из [Andrews 1985:113-а,в]); Palmer 1994:41 - б)]

3)а. Þeim líkar maturinn og Ø boða mikið.

Они+Dat любить+3SG еда и есть+3PL много

Им нравится еда, и (они) едят много.

6. Mér líkar vel við henni.

я.DAT нравится хорошо с она.DAT

Мне она нравится.

в. Ég sá stúlkuna og Ø líkaði vel við henni.

я.NOM видеть.PAST девочка и нравится.PAST хорошо с она.DAT

Я видел девочку, и она (мне) понравилась.

В (3а) номинативный субъект глагола *есть* сокращен, а кореферентная ему ИГ *þeim* стоит в дательном падеже, в (3в) наоборот сочинительному сокращению подверглась дативная ИГ *mér*. При этом, как указывается в [Andrews 1985:113], важным свойством сочинительного сокращения в исландском языке является невозможность объекта контролировать сочинительное сокращение, а также становится его мишенью.

- зафиксированы случаи, когда дативная ИГ контролирует глагольное согласование.

Исландский, (Пример из [Andrews 1985:102])

обуславливает саму постановку вопроса - чувство глубинной общности дативных экспериенциальных ИГ и стандартных номинативных подлежащих основывается на близости их семантических свойств.

Вопрос, является ли дативный экспериенцер подлежащим или нет, с одной стороны, по-видимому, неразрешим, а с другой стороны, не очень продуктивен, поскольку в большой степени связан не с изучением явления как такового, а с изучением лингвистической теории: как следует определять подлежащее, в то время как языковые факты служат своего рода иллюстративным материалом. Между тем, сам факт функционирования в языке "*дативных подлежащих*" ставит перед исследователем очень важные и интересные вопросы:

- почему типологически и генетически разные языки для особого, неканонического кодирования экспериенцера выбирают именно дательный падеж?
- почему дативный экспериенциальный аргумент последовательно обнаруживает в разных языках некоторые синтаксические свойства подлежащего, и почему набор этих свойств различается от языка к языку?

Возможно, что рассмотрение свойств дативных экспериенциальных аргументов в функционально-типологическом аспекте выведет данную проблему на некий новый уровень, позволяющий принять принципиально иное решение.

Термин *датив* употребляется как для обозначения поверхностного падежа, так и для обозначения соответствующей семантической роли. В отличие, скажем, от агенса, значение которого понимается более или менее однозначно, область значений датива как семантической роли определена не так четко (см. таблицу 1). Филлмор [Fillmore 1968] понимает датив крайне широко. Рамку с дативом имеют глаголы *убивать* [Ag,Dat], *быть высоким* [Dat], *любить* [Dat,Obj], *видеть* [Dat,Obj], *давать* [Ag,Dat,Obj], *иметь* [Dat,Obj], *делать для кого-то* [Ag,Obj,Dat]. Чейф [Чейф 1975] не использует термина датив, а значение филлморовского датива распределяет между экспериенцером - *любить* [Ex,St], *видеть* [Ex,St], бенефициантом *давать* [Ag,Ben,Pat], *иметь* [Ben,Pat], *делать для кого-то* [Ag,Pat,Ben] и пациенсом *убивать* [Ag,Pat], *быть высоким* [Pat]. Гивон [Givón 1984:88] определяет датив следующим образом: "The dative is a conscious participant, in addition to being also "in a state" or "undergoing change" (Датив - это сознательный участник, который в то

же время "находится в некотором состоянии" или "подвергается некоторому изменению"). Таким образом, по Гивону глаголы *любить*, *видеть*, *иметь*, *давать*, *делать для кого-то* имеют в рамке датив, причем два последних глагола относятся к типу Dative-object - дативный объект, в первом случае мы имеем дело с recipient/dative - реципиентным дативом, а во втором случае с benefactive/dative - бенефактивным дативом. Предикаты *убивать* и *быть высоким* по Гивону содержат в своей рамке семантическую роль пациенса. Наконец, в классификации Эндрюс [Andrews 1985] филлморовскому дативу соответствуют пять разных ролей: пациенс - *убивать*, тема - *быть высоким*, *иметь*, экспериенцер - *видеть*, *любить*, реципиент - *давать*, бенефактив - *делать для кого-то*. Если вынести за скобки глагол *убивать*, который по единодушному мнению исследователей имеет рамку [Ag,Pat] (датив Филлмора в данном случае обозначает обязательную одушевленность соответствующего актанта), а также бенефактивный датив в контексте *делать для X-а*, имеющий все же совершенно определенное сирконстантное значение и потому понимаемый более или менее однозначно, то, как видно из таблицы 1, остальное пространство дативных значений может описываться при помощи совершенно разных семантических ролей.

На самом деле, возможности введения новых ролей, а также переосмысления уже имеющихся далеко не исчерпаны¹. Эта неоднозначность возникает не случайно, она имеет свои причины. Данные семантические роли концептуализируют участников ситуаций, в чем-то отличных от той, которая описывается прототипическим двухместным переходным глаголом. Понятно, что отличия могут быть самые разные, и объединение их под одним или несколькими названиями так или иначе является небесспорным решением². Понять, почему языкам свойственно формально объединять семантически разные значения, используя один и тот же дативный показатель, можно сформулировав прототипическое значение датива, которое стало бы своего рода "платформой" для описания прочих значений.

¹ Так, например, для перцептивных глаголов можно ввести отдельную роль Персивера - *perceiver* (ср. [Palmer 1994:6]), что, кстати, имеет смысл при описании некоторых дагестанских языков, - некоторые из них сохранили специальный падеж аффектив, кодирующий актора глаголов *видеть*, *слышать*.

² Возможное решение данной проблемы было предложено А.Е.Кибриком на материале арчинского языка при помощи понятия гиперроли [Kibrik 1985]: вводится гиперроль Адресата, объединяющая несколько ролей, кодирующихся дательным падежом: Реципиента, Экспериенцера и Цель. В [Kashgri 1990] идея гиперроли Адресата рассматривается применительно к хинди и несколько расширяется, в нее включается еще и Пациенс.

Таблица 1. Распределение дативного значения между семантическими ролями

Fillmore, 1968	У убивает X-a	X выходит	X видит Z	X любит Z	X имеет Z	Y дает X-y Z	Y делает Z для X-a
	DATIVE						
Chafe	У убивает X-a	X выходит	X видит Z	X любит Z	X имеет Z	Y дает X-y Z	Y делает Z для X-a
	PATIENT		EXPERIENCER		BENEFICIARY		
Givón 1984	У убивает X-a	X выходит	X видит Z	X любит Z	X имеет Z	Y дает X-y Z	Y делает Z для X-a
	PATIENT		DATIVE			recipient dative	beneficiary dative
Andrews 1985	У убивает X-a	X выходит	X видит Z	X любит Z	X имеет Z	Y дает X-y Z	Y делает Z для X-a
	PATIENT	THEME	EXPERIENCER	THEME	RECIPIENT	BENEFICIARY	

По-видимому, в своем прототипическом значении датив, должен быть, во-первых, максимально противопоставлен другим ролям (прежде всего центральным - агенсу и пациенсу), а во-вторых, максимально типологически устойчивой должна быть связь между глубинной семантической ролью и поверхностным морфологическим кодированием. Думается, что этим условиям удовлетворяет реципиентное значение Датива. Действительно, глагол *давать*,

³ Так, например, для перцептивных глаголов можно ввести отдельную роль Персепивера - *perceiver* (ср. [Palmer 1994:6]), что, кстати, имеет смысл при описании некоторых дагестанских языков, - некоторые из них сохранили специальный падеж аффектив, кодирующий актора глаголов *видеть*, *слышать*,

существует, по-видимому, в любом языке, - кодирование реципиента при глаголе *давать* служит своего рода тестом на выявление маркера датива в языке⁴. Очень важно, что этот глагол отличается высокой степенью переходности, из этого следует, в частности, что в описываемой им ситуации все три аргумента противопоставлены друг другу.

Противопоставленность друг другу аргументов глагола *давать* выявляет и делает доступными для описания базовые концептуальные свойства каждого из них. Оппозицию концептов агенса-пациенса-датива можно сформулировать на основе трех признаков, отсутствие либо наличие которых будет противопоставлять одного члена этого ряда остальным. Так агент и датив противопоставлены пациенту по признаку *одушевленности*, датив и пациент противопоставлены агенту по признаку *оказанного воздействия*, наконец по признаку *полной вовлеченности в ситуацию* агент и пациент противопоставляются дативу (таблица 2).

Таблица 2. Оппозиция Агент-Датив-Пациент

	АГЕНС	ДАТИВ	ПАЦИЕНС
<i>одушевленность</i>			
<i>оказанное воздействие</i>			
<i>полная вовлеченность</i>			

⁴ Возможное решение данной проблемы было предложено А.Е.Кибриком на материале арчинского языка при помощи понятия гиперроли [Kibrik 1985]: вводится гиперроль Адресата, объединяющая несколько ролей, кодирующихся дательным падежом: Реципиента, Экспериментера и Цель. В [Kachru 1990] идея гиперроли Адресата рассматривается применительно к хинди и несколько расширяется, в нее включается еще и Пациент.

⁵ Интересным подтверждением гипотезы о прототипическом статусе реципиентного значения являются психолингвистические свидетельства, касающиеся процесса усвоения языка. Дело в том, что перед началом собственно речи, годовалый ребенок начинает различать в мире хорошо знакомых ему предметов и людей своего рода "предроли": *mover* (двигающийся), *movable* (движимый), *place* (место), *instrument* (инструмент), *recipient* (получающий). В роли *получающего* выступают взрослые, которым можно показать или положить в руку игрушку. Интересно, что эта предроль очень близка к предроли *место* (ящик для игрушек, кровать и т.п.) и нередко путается с ней, однако принципиальна одушевленность получающего (ребенок начинает понимать разницу между действием *положить игрушку в ящик* и *дать игрушку взрослому*). Как указано в [Clark, Clark 1977], из предроли реципиента на следующем этапе вырастает представление об экспериментере.

Выделенные признаки играют важнейшую роль при общей характеристике актантов переходного глагола. Они соотносимы с компонентами транзитивности, приведенными в [Hopper, Thompson 1980:252]. Так, признак *одушевленности* объединяет, с одной стороны, присущие агенту компоненты *волитивности* и *агентивности*, с другой стороны обуславливает наличие компонента *определенности объекта*. Признак *полной вовлеченности* также связан с компонентом *волитивности* (агенса как инициатора действия является и полноценным его участником), а также с компонентом *воздействия на объект*, который для глаголов высокой степени переходности описывается как *абсолютное (total)* (т.е. пациент максимально затронут указанным действием). Наконец, признак *воздействия* является онтологическим для понятия переходности как такового. Традиционное представление о переходном предикате, на котором строится и теория транзитивности, представленная в [Hopper, Thompson 1980], основано на идее действия, направленного от одного аргумента к другому. Концепт *воздействия* задает направление этого действия. Следует отметить, что оппозиция по признаку *воздействия* является эквиполентной, т.е. каждый член этой оппозиции либо *оказывает*, либо *получает* воздействие, тогда как две остальные оппозиции являются привативными, т.е. строятся на наличии/отсутствии признака. Таким образом, концепт *воздействия* является наиболее фундаментальным: он противопоставляет аргументы наиболее "радикальным" способом и задает исходную синтаксическую структуру переходного глагола (А и О в диксоновской схеме). Агент - участник, *оказывающий воздействие*, - будет при двухместном переходном предикате кодироваться как А (А - выступает здесь как элемент поверхностной синтаксической структуры предложения), противоположное ему О-кодирование будет присваиваться аргументу с семантической ролью пациента либо датива, т.е. аргументу, соответствующему участнику ситуации, *получающему воздействие*. Выбор того, какой из аргументов (датив или пациент) получит О-кодирование, определяется выбором привативной оппозиции, объединяющей соответствующий аргумент с агентом. Иначе говоря, язык выбирает то, какой из признаков аргументов - *одушевленность* либо *полная вовлеченность* в большей степени соответствует идее высокой степени переходности предиката. Две характеристики объекта предиката высокой переходности, выделенные в статье [Hopper, Thompson 1980], - *абсолютное воздействие (total affectedness)* и *определенность объекта*

(*individuation of O*) конкурируют между собой. Характеристика *абсолютного воздействия* в большой степени свойственна пациенсу, а *определенность объекта* - дативу. Дативный аргумент занимает более высокое место на иерархии одушевленности, чем пациенс, а это означает, что он скорее, чем пациентный аргумент будет определен.⁶ Объединение кодирования прямого дополнения двухместного глагола с кодированием датива или пациенса трехместного предиката отражает то, какую из конкурирующих характеристик объекта переходного глагола язык считает более важной.

Доминанция признака *полной вовлеченности* отражается в распространенной в языках Среднего Европейского Стандарта системе противопоставления прямого и непрямого дополнения (DO vs IO), в которой синтаксическую позицию O в двухместном и трехместном предикатах занимает Пациенс. Грамматическая система, построенная на преимуществе признака *одушевленности*, т.е. *определенности объекта*, была описана в работе [Dryer 1986]. В индейских языках кри, могаук, цоциль, не-персе, йокутский, в некоторых языках банту, в языке йоруба восточного Конго, в тибето-бирманских языках, таких как лаху, кхам и в других - см. [Dryer 1986]) объектное кодирование датива при трехместных предикатах является обязательным.

Кхаси(Пример из [Palmer 1994:38]

б)а. ?uu hiikay ya ka ktien phareç.
he teach OBJ the language English
Он учит английскому языку.

б. ?uu hiikay ya ça ka ktien phareç.
he teach OBJ 1SG the language English
Он учит меня английскому языку.

В (ба) объектное кодирование получает ИГ *английский язык*, а в (бб) объектный маркер *ya* присваивается участнику с семантической ролью датива (реципиента) - местоимению *ça*.

⁶ Ср. статистику, приведенную в статье [Nopper, Thompson 1980]: из 33 не прямых дополнений (т.е. дативов-реципиентов) в некотором английском тексте, 100% были не просто одушевленными, но обозначали человека, и все эти ИГ были определенными.

Некоторые языки совмещают обе стратегии кодирования объекта⁷. В этом случае, противопоставление агенс vs датив vs пациенс реализуется и при двухместных предикатах. Это происходит тогда, когда один из актантов двухместного предиката оформляется так же, как и Датив при трехместном предикате. Такое кодирование актанта означает, что при данном предикате или у данного актанта релевантными являются прототипические ролевые признаки Датива, концептуализованные при трехместном предикате (см. таблицу 2). Хорошо известны испанские примеры варьирования оформления прямого дополнения при переходном глаголе в зависимости от одушевленности и определенности предиката.

Пример из [Hopper and Thompson 1980:256]

7) a. Busco mi sombrero.
искать.1 мой сомbrero
Я ищу свое сомbrero.

б. Busco a mi amigo.
искать.1 Dat мой друг
Я ищу моего друга.

Подобным образом функционируют объектные послеложные показатели *ko* в хинди и *ne* в марвари [Magier 1990], но в отличие от испанского, в этих языках фактором, определяющим употребление объектного показателя в двух местных предикатах, является определенность аргумента:

Марвари (пример из [Magier 1990: 213-214])

8) a. mhe ra:m ne ek raza:i: de di:.
I Ram NE onequilt gave
Я дал Рэму одеяло.

б. darji: bula:vo.
tailor call
Позови портного (какого-нибудь).

⁷ Такой способ организации синтаксической структуры можно было бы назвать "split objectivity", по аналогии с термином "split ergativity", предложенным в работе [Dixon 1979]

в. darji: ne bula:vo.
tailor NE call

Позови портного (именно этого).

В [Magier 1990], утверждается, что послелог *ne*, так же как и *ko* в хинди, являются не показателями падежа, но маркерами переходности. Если это утверждение верно, то характерным является тот факт, что в контексте трехместного предиката такой транзитивный маркер обязательно употребляется при дативном аргументе. Т.е. в этом случае также можно говорить о доминании фактора определенности датива над компонентом *полной вовлеченности* пациенса.

Таким образом, целый ряд структурообразующих синтаксических конструкций типологически разных языков строится на противопоставлении концептуальных компонентов не двух (агенса vs пациенс), а трех (агенса vs датив vs пациенс) глубинных семантических падежей. Иными словами, свойства датива таковы, что при определенном языковом выборе приоритетов датив может быть включен в число ядерных ролей, а значит, может обозначать одного из наиболее значимых участников события.

Семантика экспериенциального предиката определяет специфику семантической структуры его аргументов. Экспериенцер - субъект экспериенциального предиката, одновременно является инициатором и конечной точкой (Endpoint) рассматриваемого действия. Кроме того, поскольку экспериенциальный предикат относится не диктальному (в терминологии Ш.Балли), а к модальному плану, т.е. служит для "выражения модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом" [Балли 1955:43], экспериенцер ("мыслящий субъект") является единственным участником описываемой экспериенциальным предикатом ситуации. Модальный статус экспериенциального предиката обеспечивает его валентность на присоединение к себе в качестве аргумента не только термина, но и пропозиции - сентенциального актанта, выражающего диктальный план высказывания. Таким образом, на глубинном уровне аргумент-стимул экспериенциального предиката является участником не экспериенциального события как такового, а некоего иного, тесно связанного с ним события, относящегося к диктуму. Экспериенцер, как уже было сказано, является единственным "полноправным" участником экспериенциального события.

Дативное кодирование экспериенцера наиболее полно передает важнейшие признаки его глубинной концептуальной структуры. Датив, как было показано выше, несет в себе три прототипических признака: - *одушевленность* (параметр, не выражаемый при пациентивной кодировке), - *оказанное воздействие* (параметр, не выражаемый при агентивной кодировке), - *неполная вовлеченность* (параметр, не выражаемый ни при агентивной, ни при пациентивной кодировке). Последний признак важен для выражения модального статуса экспериенциального события в целом. Экспериенцер ("субъект мысли" по Балли) оказывается как бы вне собственно события, описываемого диктумом. Выбор агентивного или пациентивного кодирования экспериенцера имплицитно уподобление экспериенциального предиката самостоятельному диктальному действию. Дативное кодирование, напротив, несет в себе идею "внешнего" положения экспериенцера по отношению к диктальному событию-стимулу. В связи с этим крайне характерным является тот факт, что прототипический экспериенциальный предикат *казаться*, при котором в большинстве языков экспериенцер имеет именно дативный показатель, существует только в полипредикативной конструкции. Так, самой семантике этого предиката противоречит высказывание типа * *Пете кажется Вася*, следует сказать: *Пете кажется, что Вася болен* или *Вася кажется Пете больным*. Таким образом, выбор дативного кодирования экспериенцера совершается по семантическим причинам и является способом наиболее полно отразить специфику семантики экспериенциального предиката.

Однако использование датива порождает проблемы в сфере синтаксической интерпретации структуры предложения. Дело в том, что очень многие синтаксические процессы ориентированы на прототипическую переходную структуру предложения. Поэтому в синтаксически аккумулятивных языках возникает проблема того, какой из аргументов глагола будет ассоциироваться с подлежащим, а в семантически эргативных языках - следует ли рассматривать структуру <Dat V Nom> как одноместную или как двухместную? Т.е., иными словами, может ли дативная ИГ контролировать синтаксические процессы рефлексивизации, сочинительного сокращения, кореферентного сокращения? В обычной структуре контроль этих процессов подлежащим (или в эргативных языках агентивом и/или абсолютивом) имеет глубокий смысл - ведь рефлексивизация, сочинительное и кореферентное сокращения

напрямую связаны с главным участником события. Они экономят усилия говорящего, и главный участник указывается таким образом полностью только один раз. Как было сказано, экспериенцер является главным участником экспериенциальной ситуации, поэтому семантически естественным был бы его контроль над данными синтаксическими процессами. Но формально экспериенцер кодируется не как подлежащее (а в дагестанских языках как неядерная роль двухместного предиката), и вместе с экономией, которую обеспечивают синтаксические процессы, в языке возникают дополнительные сложности. В языке появляются нестандартные структуры, требующие отдельного запоминания, а их использование - отдельных усилий для различения экспериенциальных дативных аргументов, управляющих синтаксическими процессами, от конструкций с "второстепенными" дативами, не обозначающими главного участника события и занимающими позицию косвенного дополнения.

Анализ этой проблемы с точки зрения диахронии (для аккумулятивных языков) был предложен в статье [Cole et al. 1980]. В качестве гипотезы выдвигается тезис о том, что вследствие языковой тенденции к унификации язык стремится превратить дативную ИГ со значением экспериенцера в стандартное номинативное подлежащее. Выделяется три стадии этого процесса, на каждой из которых может в некоторый момент времени находиться тот или иной язык.

Стадия А - no subject properties - дативная ИГ не обнаруживает никаких свойств подлежащего.

Стадия В - subject behaviour - дативная ИГ синтаксически ведет себя в предложении как подлежащее.

Стадия С - subject coding - происходит унификация кодирования дативной ИГ со стандартным кодированием подлежащего.

Процесс перехода из одной стадии в другую континуален, так как признаки подлежащего приобретаются дативной ИГ постепенно.

Разные языки могут находиться на разных стадиях данного процесса. Так, например, полинезийский язык маори находится на стадии А - в нем дативный Экспериенцер не имеет подлежащих свойств. Русский находится между стадиями А и В, поскольку дативная ИГ обладает лишь некоторыми синтаксическими свойствами подлежащего. Наконец, исландский язык наиболее далеко продвинулся по пути к стадии В. Как было показано в примере (4), в этом языке дативная ИГ контролирует даже согласование глагола по числу.

Английский - язык с очень сильными синтаксическими отношениями - находится на стадии С. На современном этапе в этом языке уже невозможно кодирование аргумента экспериенциального глагола при помощи Датива. Хотя известно, что раньше в английском были возможны предложения типа:

9) Me dreamed a strange dream.

DAT.

Мне снился странный сон.

Язык не может перейти в стадию С до того, как он прошел В-стадию. Иными словами, прежде чем кодирование аргументов экспериенциальных предикатов будет полностью унифицировано со стандартным кодированием, язык должен пройти стадию *dative subjects* - *дативных подлежащих*, т.е. стадию на которой дативные экспериенциальные ИГ будут в той или иной степени обнаруживать синтаксические свойства подлежащего.

Явление дативных подлежащих следует рассматривать как результат конкуренции двух важнейших языковых стратегий - стратегии иконичности и стратегии экономии. Иконичность, как движущая сила языкового развития, предполагает максимальную изоморфность формального представления языковой структуры его концептуальному, когнитивному представлению. В этом смысле дативное кодирование экспериенцера выдвигает на первый план семантическую специфику экспериенциального предиката. Экономичность обеспечивает ограниченность круга возможных языковых структур для облегчения языковых усилий говорящего, упрощения процесса речепорождения. Процесс приобретения экспериенциальными дативными ИГ свойств нормального подлежащего включает данные "нестандартные" конструкции в общую синтаксическую систему языка и приспособливает к ним имеющиеся в языке синтаксические правила. Победа принципа экономии происходит при полной синтаксической и морфологической унификации экспериенциальных дативных ИГ с обычными номинативными подлежащими за счет девальвации семантической прозрачности данных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. 1955 *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М..
2. Белошапкова, В.А. 1977 *Современный русский язык. Синтаксис*. М.
3. Золотова, Г.А. 1973 *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. М..
4. Кинэн Э. 1982 *К универсальному определению подлежащего*//Новое в зарубежной лингвистике. вып. XI, М.
5. Чейф У. 1975 *Значение и структура языка*. М.
6. Andrews A. 1985. *The major function of noun phrase*// Shopen.T.(ed.). *Language typology and syntactic description*. Cambridge. v.1
7. Clark H., Clark E. 1977 *Psychology and language*. New York.
8. Cole P., Harbert W., Hermon G., Sridhar S.N. 1980 *The acquisition of subjecthood*. Language 56.
9. Dixon R.M.W. 1979 *Ergativity*//Language, 55.
10. Dryer, M.S. 1986. *Primary objects, secondary objects and antitativity*//Language, 63.
11. Fillmore Ch. 1968. *The case for case*// Bach.E., Harms R.T. (eds.), *Universals in linguistic theory*, N-Y.
12. Givón T. 1984. *Syntax. A functional-typological introduction*. v.1. Amsterdam/Philadelphia.
13. Guiraud-Weber, M. 1984 *Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris..
14. Hook P.E. 1990 *Experiencers in South Asian languages: a gallery*// Verma, Mohanan 1990
15. Hopper P., Thompson S. 1980 *Transitivity in grammar and discourse*//Language v.56 1980
16. Kachru Y. 1990 *Experiencer and other oblique subjects in Hindi*//Verma, Mohanan 1990
17. Kibrik A.E. 1985 *Towards a typology of ergativity*//Nichols J., Woodbury A.C. (eds.), *Grammar inside and outside the clause*. Cambridge.
18. Magier D 1990. *Dative/accusative subjects in Marwari*//Verma, Mohanan
19. Maling, J.M. 1980 *Inversion in embedded clauses in Modern Icelandic*//Islenkst Mal og Almenn Malfraedi, 2.
20. Palmer, F.R. 1994 *Grammatical roles and relations*. Cambridge.
21. Thrainsson, H. 1979 *On complementation in Icelandic*. New York.
22. Verma M.K. 1990 *Experiencer subjects in Bhojpuri and Magahi*// Verma, Mohanan 1990
23. Verma K., Mohanan K.P. 1990 (eds.), *Experiencer subjects in South Asian languages*. Stanford.